

В одном селе была девка - леж́ака, лентяйка, не любила работать, абы как поговорить да побалакать! И вздумала она собрать к себе девок на попрядухи. А в деревнях вестимо уж лежаки собирают на попрядухи, а лакомогозки (?) ходят. Вот она собрала на ночь попрядух; они ей прядут, а она их кормит, потчует. То, сё, и разговорились: кто из них смелее? Леж́ака говорит: «Я ничего не боюсь!» - «Ну, ежели не боишься, - говорят попрядухи, - дак поди мимо погосту к церкви, сними с дверей образ да принеси». - «Хорошо, принесу; только кажная напряди мне по початку». А это чувство-то в ней есть, чтоб ей ничего самой не делать, а чтоб другие за нее делали. Вот она пошла, сняла образ и принесла. Ну, те видят - точно образ от церкви. Надо теперь несть образ назад, а время уж к полночи. Кому несть? Леж́ака говорит: «Вы, девки, прядите; я сама отнесу, я ничего не боюсь!»

Пошла, поставила образ на место. Только идет назад мимо погосту и видит: мертвец в белом саване сидит на могиле. Ночь-то месячная, все видно. Она подходит к мертвецу, стащила с него саван; мертвец ничего не говорит, молчит - знать, время не пришло еще ему говорить-то. Вот она взяла саван, приходит домой. «Ну, - говорит, - образ отнесла, поставила на место, да вот еще с мертвеца саван стащила!» Девки - которые спужались, которые не верят, смеются. Только поужинали, легли спать, вдруг мертвец стучится в окна и говорит: «Отдай мой саван! Отдай мой саван!» Девки перепугались - ни живы ни мертвы; а леж́ака берет саван, идет к окну, отворила: «На, - говорит, - возьми!» - «Нет, - отвечает мертвец, - неси туда, где взяла!» Только вдруг петухи запели - и мертвец исчез.

На другую ночь уж попрядухи все по домам разошлись; в тот же самый час опять мертвец приходит, стучится в окно: «Отдай мой саван!» Вот отец и мать леж́аки отворяют окно, отдают ему саван. «Нет, - говорит, - пушай она отнесет туда, где взяла!» Ну, как идти с мертвецом на погост? Страшно! Только петухи пропели - исчез мертвец. На другой день отец и мать послали за священником; рассказали ему так и так и просят пособить их горю: «Нельзя ли, - говорят, - обедню отслужить?» Священник подумал: «Ну, пожалуй! Велите ей завтра к обедне выходить». Назавтра пошла леж́ака к обедне; началась служба, народу много нашло! Только как стали херувимскую петь, вдруг откуда поднялся страшный вихрь, ажно все ниц попадали! Ухватил ее, да óземь. Девки не стало, только одна коса от нее осталась.